

В главном шатре военного лагеря города Суму собрались все цяньюэи.

— Цяньюэй Инь, выделите отряд пехоты и небольшую группу разведчиков в поселок Вэнгэн, помогите им возвести городские стены, работу нужно завершить непременно до наступления зимы. До окончания строительства оставайтесь там гарнизоном, охраняйте Вэнгэн и защищайте местных жителей. Выберите толкового командира, и если возникнет какая-то ситуация, немедленно докладывайте.

— Слушаюсь, младший генерала!

— Энкай Хань, цяньюэй Лю, с наступлением осени набеги хусцев учащаются. Вы двое отвечайте за то, чтобы подгонять близлежащие селения, где стены еще не достроены, ускорить возведение, при необходимости можете оказать им некоторую помощь.

— Слушаюсь, младший генерала!

— Цяньюэй Вэй, цяньюэй Лю, в нашем лагере большинство — новобранцы. Используйте эту возможность, чтобы закалить их: солдат станет настоящим воином, только когда увидит кровь. При проведении операций главным считайте безопасность, избегайте больших потерь, пусть ветераны чаще берут новичков с собой.

— Слушаюсь, младший генерала!

— Господа, пока на этом всё, расходитесь по своим делам, если что-то случится — сразу докладывайте.

Несколько цяньюэев вышли из шатра. Чжун Цзянли тяжело вздохнул, снял доспехи и боевой нож, вышел наружу и опустился на ступени перед входом. Он окинул взглядом окрестности в поисках Му Юньцина, а заметив его, похлопал по ступени рядом с собой, жестом приглашая присесть.

— Эх, ну можешь ты наконец назвать свою причину? Посмотрим, смогу ли я тебе помочь.

Му Юньцин молча смотрел на вечернюю зарю вдалеке.

— Ну вот, я спрашиваю, а ты опять молчишь. Я ведь действительно ценю таланты, считаю, что ты отлично владеешь боевыми искусствами, а в учении боевых навыков легко не бывает. Раз у тебя такой уровень, значит, и характер должен быть твердым. Обидно ведь, если человек с твоими данными не послужит родине и не совершит ратных подвигов на поле боя, — с искренним сожалением уговаривал Чжун Цзянли.

На его лице читались юношеская беззаботность и наивность, но он изо всех сил старался казаться солидным, и Му Юньцин невольно чуть не улыбнулся.

— Вы не рыба, откуда вам знать о радостях рыбы? — Му Юньцин с трудом подавил улыбку.

— Ох-хо-хо, я мало книг читал, не выражайся со мной учеными фразами. Мне плевать на твои многочисленные причины, есть лишь одно правило: раз уж ты стал мужем Армии Динбэй, должен нести ответственность за защиту родного дома и страны.

Му Юньцин посмотрел на этого упрямого молодого генерала, сидевшего рядом. В нем всегда горела эта пламенная вера. Му Юньцин намеренно сменил тему:

— Младший генерал, раз вы в столь юном возрасте стали генералом, наверное, одержали немало побед в сражениях!

Услышав это, Чжун Цзянли смущенно рассмеялся:

— Э-э, ну, я-то повидал много битв, да сам сражался в считанных. Отец вечно говорит, что я вспыльчивый, и поручает мне лишь пустяковые задания. Мое генеральское звание — благодаря отцу: его чин уже повышать некуда, император не может пожаловать награду старику, так жалуется сыну.

Му Юньцин прикрыл рот рукой, тихонько смеясь.

— До чего же вы честны.

Чжун Цзянли почесал затылок:

— А куда деваться, без честности тут никак. В Армии Динбэй, кроме вас, новобранцев, каждый это знает.

Заметив, что Му Юньцин тихонько посмеивается, Чжун Цзянли возмутился:

— Ты еще смеешься! Это ты у меня под началом, а служи ты у моих старших братьев — с таким малодушным поведением тебя бы живо отходили палками, пока не стал бы шелковым.

— Ого~, судя по вашим словам, я еще должен быть вам благодарен?

— Ещё бы! В Армии Динбэй все мужики из стали и железа, ни один не боится войны и смерти. Раньше каждый год с приходом осени начинались бесконечные стычки с Дунху, которые не прекращались ни на минуту. Только последние два года по требованию отца в городах Севера стали возводить городские стены для отражения набегов Дунху, и Армия Динбэй получила хоть какую-то передышку.

— Неужели одни лишь стены способны остановить воинов Дунху? — с сомнением спросил Му Юньцин.

Чжун Цзянли отчасти с гордостью ответил:

— Конечно способны! Дунху полагаются в основном на конницу, если только не собирается целая армия, обычно они промышляют разведкой и грабежами. Пока стены достаточно высоки, поделаться они ничего не смогут. В каждом крупном и мелком селении есть сигнальные вышки, где круглые сутки несут службу дозорные, и как только замечают врага, сразу зажигают дым.

С этими словами Чжун Цзянли указал на высокую платформу в юго-восточном углу лагеря.

— Видишь вон то место? Там дежурят специальные наблюдатели, заведя дымовой сигнал, они немедленно докладывают, и тогда на помощь отправляется легкая кавалерия. Раньше, когда стен не было, мы часто поспевали к шапочному разбору, а теперь достаточно лишь ежедневно высылать вдоль линии постоянные патрульные отряды разведчиков.

— А это и вправду отличный способ, — внимательно выслушав, искренне похвалил Му Юньцин.

— То-то же! Отец уже почти десять лет держит оборону на Северных Землях, он отлично изучил Дунху.

Услышав похвалу от Му Юньцина, Чжун Цзянли от радости был готов задрать нос.

— Эй, Му Юньцин, давай после будешь ходить за мной. Пойдем вместе в бой громить врагов, у моих братьев есть свои личные помощники, а если ты хорошо себя покажешь, я со временем и тебя сделаю своим заместителем, как тебе?

Му Юньцин выказал полное сопротивление:

— Благодарю за столь высокую честь, младший генерал, но я не хочу делать карьеру чиновника.

У Чжун Цзянли возникло ощущение, будто он строил глазки слепому.

— Почему это? Что не так с военной службой?

— Мой отец не хочет, чтобы я шел в солдаты, дома есть семейное дело, требующее присмотра. Родители уже стары, а младший брат еще совсем мал. Если бы речь шла всего о трех годах службы — ладно, но если вдруг что-то случится и я не смогу вовремя демобилизоваться, что станет с моей семьей?

Му Юньцин обманывал Чжун Цзянли, смешивая правду с вымыслом.

Чжун Цзянли слегка растерялся:

— Демобилизацию-то никому не запретишь, только жаль такого славного молодца: зарывать твои способности исключительно в семейное дело поистине досадно.

Помолчав немного, Чжун Цзянли вдруг схватил Му Юньцина за руку:

— Давай так! Эти три года службы отбывай честно и добросовестно, не прячь свои умения и не отсиживайся. Как только истечет срок, если ты будешь настаивать на демобилизации, я ни за что не стану тебя удерживать, дет идет?

Заметив на лице Му Юньцина легкое колебание, Чжун Цзянли поспешно продолжил:

— Пока я здесь, можешь не сомневаться: хочешь ли ты домой или решишь остаться в Армии Динбэй — проблем не будет!

В душе Чжун Цзянли вынашивал хитроумный план: обмануть сейчас, а там видно будет. В конце концов, впереди еще больше двух лет, глядишь, за это время парень и передумает.

Видя, что Му Юньцин долго не дает ответа, Чжун Цзянли нетерпеливо воскликнул:

— Чего ты еще сомневаешься?! Уйдешь — я тебя не держу, останешься — сделаю своим заместителем, сплошная выгода для тебя!

Слушая его речи, Му Юньцин невольно улыбнулся:

— У меня ведь сейчас всё равно нет другого выбора. Прикажи младший генерал мне прямо идти на поле боя, я ведь все равно никуда не денусь.

Видя, что Му Юньцин согласился, Чжун Цзянли невольно расплылся в улыбке, мысленно ликуя: Ха, у меня, Чжун Цзянли, тоже появится свой заместитель!

Кавалерия Дунху то и дело тревожила окрестные селения, но в основном это были мелкие стычки, и Чжун Цзянли поручал цянвэям по очереди брать с собой новобранцев для закалки. После нескольких таких вылазок у новичков постепенно проявился особый боевой дух, присущий пою войны. С тех пор как они обосновались в Суму, у солдат появилась возможность ходить в увольнительные по очереди.

Воспользовавшись днем отдыха, Му Юньцин напрямик направился в город, нашел постоянный

двор и велел слуге приготовить горячей воды, чтобы хорошенько вымыться. Раньше, стоя лагерем среди новобранцев, удавалось мыться лишь по ночам в соседней реке, и Му Юньцин невероятно соскучился по этой обжигающей банной воде.

Закончив мыться и переодевшись, Му Юньцин взял бумагу и принялся писать письмо домой. Написал два послания, но оба вышли на редкость короткими. В Суму работала почтовая станция, и солдаты в лагере при любой возможности отправляли весточки родным.

Первое письмо предназначалось для Цюаньчжоу.

Любимой сестрице Ваньэр:

После поспешного расставания минуло уже полгода, не знаю, здоровы ли Ваньэр, наставник и учитель.

У меня в армии все идет гладко, не беспокойтесь. Передайте наставнику с учителем, чтобы берегли здоровье, вернувшись, я лично проявлю о них сыновнюю заботу.

Второе же письмо улетело в Шанло.

Отец, в армии все благополучно, не тревожьтесь.

Отправив письма, Му Юньцин неспешно прогулялся по городу. Суму считался вторым по величине поселением вдоль пограничной линии. Когда в прошлых династиях велась приграничная торговля с Дунху, Суму был одним из главных рынков, и тогда жизнь здесь бурлила куда сильнее. Му Юньцин пробовал одно за другим незнакомые лакомства, которые продавали лоточники вдоль улиц, и вернулся в лагерь лишь к вечеру.

Едва он переступил порог шатра, как жившие с ним братья по оружию сразу окликнули его:

— Юньцин, младший генерал уже несколько раз заходил, велел тебе, как только вернешься, сразу идти к нему.

— Ох, хорошо, я сейчас же пойду, — Му Юньцин положил вещи и уже собирался выходить.

— Эй-эй-эй, Юньцин, младший генерал знает, что ты уходил в город в увольнение. Лицо у него было хуже тучи, так что будь осторожен.

На ходу отзываясь братьям, Му Юньцин вышел из шатра и мысленно ломал голову: Я ведь был в увольнении, с чего это он злится? Совершенно непонятно.

— Младший генерал, к вам просится Му Юньцин, — произнес он, останавливаясь у входа в

шатер Чжун Цзянли. Стоявшие на посту часовые были с ним хорошо знакомы и отчаянно замахали глазами, подавая знаки.

— Ты чего? У тебя судорога в глазах?

— Войди! — раздался из шатра сердитый голос Чжун Цзянли.

Шагнув внутрь, Му Юньцин увидел, что Чжун Цзянли взад-вперед мерит шагами пространство перед столом.

— Что стряслось? Откуда столько гнева? Отец опять тебя отчитал? — с улыбкой спросил Му Юньцин, глядя на встревоженного Чжун Цзянли.

Чжун Цзянли резко обернулся и непривычно сурово уставился на него:

— Где ты был? — с этими словами он подошел вплотную и принялся разглядывать Му Юньцина с головы до ног.

Му Юньцин почувствовал себя неловко.

— Нигде особенном. У меня был выходной, вот и погулял по городу.

— Погулял по городу, да еще искупался и переоделся? Ты часом не в те ли места захаживал?!

Му Юньцин опешил:

— В какие это те?

Чжун Цзянли от злости чуть не подпрыгнул. Он схватил Му Юньцина за воротник сзади и выволок из шатра. Стоявшие на посту солдаты, видя, как младший генерал тащит Му Юньцина за шиворот, боялись даже вздохнуть. Раньше-то среди всех приближенных младшего генерала именно Му Юньцина ценили больше всего.

Му Юньцин заерзал, пытаясь вырваться, но Чжун Цзянли прикрикнул:

— Стоишь смирно!

Будучи на голову выше Му Юньцина, он волок его без малейшего труда.

Посмотрев на него с секунду, Чжун Цзянли ткнул пальцем в сторону двух вернувшихся в

лагерь ветеранов с довольными донельзя физиономиями и выпалил:

— Туда же, куда и они!

Му Юньцин скосил глаза и зло сверкнул взглядом на Чжун Цзянли:

— А ну отпусти!

Заметив недобрый огонек в глазах Му Юньцина, Чжун Цзянли с досадой разжал пальцы, отпуская его воротник.

Разъяренный Му Юньцин повернулся и зашагал обратно в шатер:

— В прошлый раз во время спарринга ты мне рукав порвал и до сих пор новое платье не возместил, а теперь опять за одежду хватаешь!

И вообще, я за теми двумя не следил и понятия не имею, куда они ходили! Я просто отправил письмо домой да перекусил малость — подумаешь, тебе гостинца не принес, из-за такой ерунды еще дуться будешь?

Чжун Цзянли тут же придвинулся ближе:

— То есть ты и вправду только письмо отправил да перекусил?

— А по-твоему, что еще? — сердито зыркнул на него Му Юньцин.

— Ну и славно, славно! А то я уж испугался, что ты в какой-нибудь весёлый квартал подался.

Му Юньцин как раз сделал большой глоток холодного чая, и от слов Чжун Цзянли его тут же пробрало до кашля, чай фонтаном вылетел изо рта. Чжун Цзянли брезгливо отшатнулся в сторону.

— Ты чего удумал, водой подавиться — надо же умудриться?

Кое-как продышавшись, Му Юньцин возмущенно рявкнул:

— Это ты чего удумал! О чем только в твоей башке мысли крутятся, до чего же пошлые!

Чем больше Му Юньцин говорил, тем сильнее злился, и уже занес ногу, намереваясь пнуть Чжун Цзянли по голени. Они с шумом начали носиться друг за другом по всему шатру.

Бегая и подтрунивая друг над другом, Чжун Цзянли смотрел на рассерженного Му Юньцина с невероятной радостью. Для Чжун Цзянли Му Юньцин был не столько подчиненным, сколько товарищем по детским играм, с которым они вместе росли.

В его памяти то и дело всплывал день их первой встречи: худой, похожий на жердь парень с прилипшей к волосам соломой и наглым до невозможности видом. С малых лет его баловали бесчисленные дядьки в армейском лагере, в семье он был младшим, а оба брата годились ему в отцы и, конечно, не имели времени возиться с ним. Солдаты же, зная его происхождение, лишь изредка забавлялись шутки ради. Никогда прежде рядом не было ровесника, с которым можно было бы вот так ежедневно препираться, мериться силами и ежесекундно заливаться смехом.

<http://bllate.org/book/19603/1923280>